

На той руке красовался нефритовый перстень с золотой оправой и массивное золотое кольцо с рубином — именно такой тип мужских колец, где золота явно больше, чем драгоценного камня.

На мизинце тоже поблёскивало чисто золотое кольцо.

Три золотых украшения на одной руке!

А на другой руке — ещё два золотых кольца, надетых рядом: одно с рубином, другое — с сапфиром.

Вся его фигура была облачена в алый халат с золотой вышивкой. Надо признать, богатство и роскошь от него просто исходили волнами.

— Не надо звать меня «господином Сюй», зови просто «дядя Сюй», — господин Сюй явно благоволил к Вэнь Жуню: ведь перед ним был настоящий цзюйжэнь!

Его старший сын как раз собирался сдавать провинциальный экзамен на звание цзюйжэня, и было бы очень кстати наладить близкие отношения с уже состоявшимся цзюйжэнем.

Вэнь Жунь немедленно поправился:

— Дядя Сюй.

— Отлично! Проходи, садись, у меня здесь самый лучший чай. Попробуй! А когда будешь уходить, обязательно возьми немного с собой! — господин Сюй был вне себя от радости.

— Хорошо, дядя Сюй, — Вэнь Жунь отвечал без малейшего замешательства, ласково и вежливо повторяя «дядя Сюй», отчего у того буквально глаза светились, а рот до ушей не закрывался от улыбки.

Выпив чашку чая, Сюй Юй наконец заговорил:

— Отец, давайте мы с Вэнь Жунем пойдём побеседуем у меня. У вас здесь и так много гостей.

Сюй Юй вовремя напомнил об этом, и господин Сюй даже не стал возражать:

— Конечно, идите! Ужин подадут прямо в твой двор — я велю приготовить отдельный стол. Здесь у меня шум да суета, а у тебя тихо и спокойно. Ступайте!

— Спасибо, отец, — Сюй Юй взглянул на Вэнь Жуня.

Тот тоже поднял глаза:

— Тогда, дядя Сюй, мы с братом Южаном (Сюй Юем) пока пойдём. Если у вас после ужина будет время, мы ещё зайдём побеседовать.

— Конечно, конечно! — господин Сюй радостно закивал.

Только после этого Вэнь Жунь простился и последовал за Сюй Юем в его двор.

Двор Сюй Юя находился рядом с первым внутренним двором и представлял собой двухъярусный «двор внутри двора».

Как только Вэнь Жунь вошёл туда, он невольно удивился:

— Да вы здесь всё так хорошо обустроили!

Дома были расположены чётко и аккуратно, а вдоль центральной дорожки по обеим сторонам росли деревья.

Сейчас был первый лунный месяц, и сливы ещё цвели.

— Родители ещё до Нового года всё подготовили, — пояснил Сюй Юй с лёгкой горечью. — Это место предназначено для моей свадьбы. Вот сливы, а также персики, сливы и абрикосы... Хотят, чтобы вокруг было «благоухание персиков и слив» (метафора процветания и множества учеников), чтобы свахи чаще приходили сватать мне невесту.

— Это проявление родительской любви, — сказал Вэнь Жунь, оглядывая обновлённый двор. — Обязательно приду выпить на твоей свадьбе!

— Отлично! — Сюй Юй повёл его в свою библиотеку. — Это моя библиотека. Ты же знаешь, здесь я занимаюсь учёбой.

И правда, библиотека Сюй Юя была настоящей: три комнаты западного флигеля были объединены в одно пространство. С южной стороны окна были большими, света много — идеальное место для чтения.

У западной стены тянулся целый ряд книжных полок, доверху забитых томами.

На востоке стоял письменный стол с «Четырьмя сокровищами кабинета» — всё готово для письма.

Было ясно, что Сюй Юй всерьёз относится к учёбе: даже во время праздников он не прекращал занятий.

Очевидно, в следующем году он снова собирался сдавать провинциальный экзамен (сянши).

— Ты всё ещё читаешь официальные императорские ведомости (дебао)? — Вэнь Жунь заметил стопку переписанных ведомостей, на многих местах в которых Сюй Юй карандашом отметил важные моменты.

— У нас ведь нет никаких других источников, кроме как эти императорские ведомости, — пояснил Сюй Юй. Его семья была крупной и влиятельной в уезде, но в столице у них не было ни одного родственника-чиновника.

Разве что дедушка по материнской линии — тот, возможно, имел какие-то каналы для получения информации, ведь он жил в префектуральном городе.

Они как раз обсуждали это, когда вошёл слуга Сюй Юя и доложил, что пришли ещё два суйца — их одноклассники, знакомые люди.

Сюй Юй предложил Вэнь Жуню:

— Пока посиди, попей чай. Я выйду их встретить.

— Иди, не торопись. Я тут посмотрю на твою картину, — Вэнь Жунь указал на свиток, висевший за спиной Сюй Юя — его собственную работу под названием «Редкие тени над холодной рекой». Картина действительно обладала глубокой поэтичностью.

Сюй Юй лишь покачал головой и вышел.

Прошло совсем немного времени, и он вернулся вместе с гостями. Все были знакомы друг с другом, разговор быстро завязался. Постепенно в комнату входили всё новые и новые люди. Вэнь Жунь заметил: приходили исключительно суйцаи — ни одного простого человека без учёной степени.

Естественно, разговор вновь зашёл об экзаменах. В последние дни эта тема не иссякала — для них она была вечной. Утром пришли только те, кто уже имел официальный статус (суйцай или выше), а после обеда начали собираться остальные одноклассники.

В доме Сюй Юя собралась целая толпа, и все заговорили о предстоящем новогоднем собрании («няньхуэй»).

— Нужно окончательно определиться со временем и местом, — сказал Сюй Юй. — Давайте

выработаем чёткое решение и потом доложим наставнику и двум учителям.

Именно для этого все и собрались сегодня.

— А почему бы не устроить его в трактире «Хуншэн»? — предложил Вэнь Жунь. — Там отличный повар, да и есть отдельные дворики.

Позади трактира «Хуншэн» находились не просто кухни, а два относительно изолированных двора. В одном из них даже был небольшой сад, где росли сливы — сейчас как раз сезон цветения.

Говорили, что это место иногда использовал сам хозяин трактира для отдыха, но в обычное время оно почти не открывалось. Воспоминания прежнего владельца тела Вэнь Жуня подсказывали: новогодние собрания проводились не каждый год — иногда делали перерыв на год, а места выбирали разные.

Обычно предпочитали более изящные заведения — чайные, книжные лавки или читальни. Хотя однажды уже выбирали трактир — но не «Хуншэн», а «Юнь», что на севере города.

Тот трактир тогда только открылся, всё было новым, и они просто решили «попробовать новинку». Однако, судя по воспоминаниям, тот вечер выдался не слишком удачным: пришли с радостными ожиданиями, а ушли разочарованными.

— Разве трактир не будет слишком шумным?

— Трактир уж точно не так спокоен и изящен, как чайная.

— Зато там вкусно кормят!

— Да и в праздники ведь хочется веселья и оживления!

К слову, такие собрания назывались «няньхуэй» (новогодними встречами) именно потому, что проводились в первом лунном месяце — в это время у всех находилось свободное время.

В обычные дни либо преподают, либо усердно учатся — кому охота ходить на встречи?

Если бы собрание проходило не в первом месяце, его бы просто назвали «встречей друзей» («хуэй юй»).

Без литературного конкурса это, конечно, не «вэньхуэй» (литературный салон), а просто дружеская встреча.

— «Хуншэн» — отличный выбор, — поддержал Вэнь Жуня Сюй Юй. — Давайте решим именно за него. И пусть брат Жу Юй займётся организацией — раз уж он предложил это место, не стоит привлекать к делу ещё кого-то.

— Без проблем, — согласился Вэнь Жунь.

Как только место было утверждено, все перешли к обсуждению даты.

В итоге остановились на восемнадцатом дне первого месяца. Этот день не только совпадал с традиционным «днём отправки фонариков», но и считался относительно свободным от дел.

Ужин они приняли в доме Сюй.

Здесь подали довольно обычную еду — не такую изысканную, как у наставника У, и не такую своеобразную, как у учителей. Но блюда явно демонстрировали богатство семьи Сюй: это были настоящие «дорогие яства».

Например: мясо, запечённое в лотосовом листе, курица на раскалённой плите, «золотые и серебряные» свиные ножки, мясо Дунпо, и суп из говядины по-ханчжоуски.

Видите?

Всё — мясные блюда! Даже вино было знаменитое «Синьхуацунь», хоть и налито в изящные маленькие кувшины по два ляна. Но это не делало его дешёвым.

Хотя на первый взгляд подали всего четыре блюда и суп, каждое из них стоило недёшево.

Вэнь Жуню еда понравилась, но он понимал: такое можно позволить себе разве что на Новый год. Если питаться так каждый день, разорится любая семья.

После ужина все переместились в гостиную пить чай. Туда неторопливо зашёл господин Сюй, немного поболтал с молодыми людьми и ушёл, явно довольный.

Неудивительно: ведь все здесь были учёными, и даже в манере речи, и в поведении чувствовалась благородная, книжная аура.

Вернувшись в гостиницу, Вэнь Жунь почувствовал лёгкую усталость. Эти дни напоминали ярмарку: сегодня — к одному, послезавтра — к другому. Завтра, наконец, можно будет немного отдохнуть.

Ведь знакомых у него не так уж много, и почти всех, кого нужно было навестить, он уже

обошёл. Поскольку визит к уездному начальнику отпадал (новый магистрат ещё не прибыл), у него появилось свободное время — можно было как следует провести его с семьёй.

Ведь завтра уже четырнадцатое число первого месяца, а значит, до Праздника фонарей (пятнадцатого числа) остаётся совсем немного!

Однако на следующий день, когда Вэнь Жунь не пошёл ни к кому в гости, а решил просто прогуляться по рынку вместе с семьёй, это вызвало некоторое удивление. Особенно у Ван Цзюэ. Мальчик, видимо, надумал что-то своё и с тревогой спросил:

— Гэфу... тебя не... не отстранили от всех?

— Почему ты так думаешь? — Вэнь Жунь одной рукой поддерживал маленькую Ван Мэй, помогая ей спуститься по лестнице, а другой посмотрел на обеспокоенного юношу.

— Ты ведь сегодня никуда не ходил поздравлять... — мальчик шмыгнул носом. — Неужели это потому, что...

Он подумал, что других, наверное, смутило то, что гэфу состоит в брачном договоре с мужчиной. Ведь гэфу — цзюйжэнь, а его старший брат — всего лишь управляющий складом.

Юноша уже многое понимал и стал заметно зрелее.

— Нет, не думай лишнего, — Вэнь Жунь ласково потрепал его по голове. — Просто уездного начальника сменили. Старый магистрат уехал ещё до Нового года, а сейчас, в первом месяце, в столице «печать запечатана» — все государственные дела приостановлены. В уездном управлении сейчас почти ничего не происходит, кроме как присматривает за порядком уездный заместитель Ли. Мы собираемся навестить его через несколько дней. А сегодня как раз свободны — вот и решили погулять с вами.

На самом деле, Вэнь Жуня очень интересовало, как празднуют Новый год в древности — особенно Праздник фонарей, или, как его ещё называют, Праздник Шаньюань.

В этой династии с тринадцатого числа первого месяца уже начинали «вешать фонари».

Именно с тринадцатого числа люди устанавливали каркасы для фонарей и развешивали на них разноцветные фонарики — это и называлось «шаньдэн» («вешать фонари»).

Поскольку их уезд был небольшим, здесь фонари зажигали только с четырнадцатого числа, но это всё равно называлось «шидэн» («пробное зажжение фонарей»).

Согласно местным обычаям: тринадцатое число — «шаньдэн» (вешают фонари), четырнадцатое

— «шидэн» (пробуют зажечь), пятнадцатое — «чжэндэн» (основной праздник фонарей), шестнадцатое — «шаньдэн» (день любования фонарями), семнадцатое — «баодэн» (день снятия фонарей), а восемнадцатое — «луодэн» («падающие фонари» — окончание праздника).

С тринадцатого числа люди повсюду начинали украшать улицы, делать и вешать красочные фонари!

В прошлой жизни Вэнь Жунь был северянином и жил в современности, где таких обычаев почти не соблюдали. Но здесь всё иначе: здесь говорили: «На „вешание фонарей“ — юаньсяо, на „падение фонарей“ — лапша; пятнадцатого числа первого месяца отмечают „малый Новый год“».

Вечером тринадцатого числа вся семья обязательно ела таньюань (клёцки из рисовой муки с начинкой). Их также называли «тантуань», «юаньцзы», «туаньцзы». На юге их ещё именовали «шуйюань» или «фуюаньцзы» («плавающие клёцки»). Кроме того, слово «таньюань» звучит почти как «туань юань» — «воссоединение семьи». Поэтому поедание таньюань тринадцатого числа символизировало полноту, гармонию и семейное единство.

Их вчерашний поздний ужин как раз и состоял из юаньсяо — больших чёрных клёцок с начинкой из кунжутной пасты.

Это была маленькая причуда Вэнь Жуня — он специально заказал именно такой вкус.

Сейчас был ещё день, фонари ещё не зажгли, но улицы уже преобразились: повсюду висели алые цветы, разноцветные ленты, которые нежно колыхались на ветру.

Многие лавки и уличные прилавки уже готовились к вечеру — ведь именно сегодня начнётся шествие и любование фонарями!

Вэнь Жунь и его спутники почти ничего не покупали, зато дети с восторгом глазели по сторонам. Особенно им было спокойно идти рядом с Вэнь Жунем — его статус внушал уверенность и защищённость.

Три брата Чэн тоже с удовольствием гуляли по улицам.

На обед они остановились в трактире — Вэнь Жунь выбрал именно «Хуншэн».

Когда они пришли, хозяин трактира, брат Чжан, как раз закончил утренние хлопоты. Они специально пришли в обеденное время: завтрак был поздним, а в это время в трактир почти никто не заходил. Их сразу провели в отдельную комнату.

Брат Чжан лично принёс поднос с разными сладостями:

— Закончил, наконец, все дела? Слышал, в эти дни ты каждый день уходишь с утра и возвращаешься только под вечер.

— Сначала хотел навестить уездного начальника и секретаря Мао, но оказалось, что они уже...
— Вэнь Жунь сделал паузу. — Так что у меня появилось два свободных дня. Но на самом деле, я пришёл к тебе по делу.

Он пригласил брата Чжана сесть. Слуги и сопровождающие уже разбрелись по сторонам, уселись кто где и пили чай, чтобы утолить жажду.

— Говори, в чём дело? — серьёзно спросил брат Чжан. — Всё, что в моих силах, сделаю!

Ведь теперь Вэнь Жунь — цзюйжэнь! Если даже он, имея столько людей в услужении, обращается к нему, значит, дело важное. Ведь у Вэнь Жуня есть и работники, и даже дети из семьи Ван: в деревне после десяти лет ребёнка уже считают наполовину взрослым.

Ван Цзюэ уже одиннадцать лет, Ван Цзиню — девять, а маленькой Ван Мэй — целых семь!

— Дело в том, — начал Вэнь Жунь, — что я уже побывал у наставника, поговорил с учителями, а вчера в усадьбе Сюй мы все вместе решили устроить новогоднее собрание восемнадцатого числа. Хотим провести его у вас — ведь вы сами говорили, что позади есть отдельный дворик: и тихо, и в то же время в центре событий. Да и повар у вас отличный, вино — первоклассное... Вот и подумали...

Не успел он договорить, как брат Чжан вскочил с места, лицо его покраснело от возбуждения, глаза засверкали так, будто он вот-вот пронзит Вэнь Жуня взглядом!

— Брат Чжан, что с тобой?! — Вэнь Жунь инстинктивно отпрянул назад, немного испугавшись.

Его хрупкое тельце, над которым он так долго трудился, чтобы хоть немного окрепнуть, вряд ли выдержит, если этот могучий, плечистый брат Чжан вдруг сойдёт с ума от радости!

— Брат! Да ты всё-таки не забыл старшего брата! — воскликнул брат Чжан, едва сдерживаясь, чтобы не заложить руки за спину и не зареветь от счастья.

— Разве это очень обременительно? — Вэнь Жунь вдруг почувствовал, что поступил опрометчиво. Принимать целую толпу учёных — дело непростое.

Во-первых, нужно обеспечить достойную обстановку. Во-вторых, прислуга должна быть собранной и внимательной. В-третьих, придётся подготовить массу всего: вдруг кому-то захочется написать стихи или нарисовать картину — нужны «Четыре сокровища кабинета». Нужно будет устроить и банкет: блюда должны быть и изысканными, и вкусными, и соответствовать духу встречи.

Честно говоря, он начал чувствовать, что навязывает брату Чжану лишние хлопоты.

Если уж совсем не получится — можно ведь выбрать и чайную!

<http://bllate.org/book/15642/1398083>